

О смерти Жуань Ихань в свои неполные тридцать почти не задумывалась.

Пока рядом оставалась Цинь Хайяо, жизнь казалась настолько упоительно счастливой, что хотелось состариться с ней в один миг. Рядом с ней даже смерть казалась чем-то романтическим.

Единственное, чего Ихань по-настоящему боялась — это потерять бабушку.

Но теперь бабушки не стало. А Цинь Хайяо собственными руками растоптала её веру в любовь.

Так имеет ли теперь значение какая-то там смерть?

Она вновь падала в бездонную, зияющую пустоту. Ихань сжалась в комок, потерянно озираясь по сторонам. Вокруг простирался лишь холодный, бескрайний мрак.

Неужели это конец? Если она действительно умерла, то бабушка и родители наверняка придут за ней?

В этой беспросветной мгле то и дело мелькали неясные силуэты — безликие тени куда-то спешили, погружённые в свои заботы. Ихань же просто сидела на месте, оцепенелая и опустошённая. Прошло вечность или всего пара секунд, прежде чем она наконец поднялась и тяжело вздохнула. Пора идти...

Но стоило ей сделать лишь пару шагов, как издалека донёсся надрывный, полный отчаяния плач. Кто-то раз за разом звал её по имени, омывая каждый звук слезами:

— А-Хань... А-Хань...

Этот жалобный, захлёбывающийся голос мгновенно развеял нахлынувшее было умиротворение, до краёв наполнив душу Ихань первобытной яростью. Она сжала кулаки до белизны в суставах, стиснула зубы, не в силах больше сдерживать kloкочущий внутри гнев.

Мсть. Она не может умереть вот так. Ей нужно отомстить!

Стоило этой мысли оформиться, как непреодолимая сила, подобно гигантскому водовороту, затянула её обратно. Не успела она опомниться, как челюсть пронзила резкая, невыносимая боль. Ихань глухо застонала, инстинктивно сворачиваясь калачиком.

Как же больно...

Она крепко зажала лицо ладонями, чувствуя, как по щекам катятся горячие слёзы. В её

сознание грубо, словно обрывки старой киноплёнки, врезались воспоминания: бабушка, Цинь Хайяо, Цинь Цинь, А-Ли...

— Этот паршивец до сих пор дрыхнет? — раздался громкий, возмущённый голос. — До скольких она вчера шляется? А-Ли, уйди с дороги!

— Старая госпожа, она ранена, — слышался оправдывающийся тон А-Ли.

— Знаю я! Ещё и жаловаться смеет. Опять, небось, устроили ночные гонки на выживание? Вот и расшибла себе подбородок! Так ей и надо, пусть походит с отметиной, может, спеси поубавится. А ну расступись! А-Ли, ты уже и мне перечить вздумала?

— Старая госпожа...

Ихань лежала, съёжившись от боли. Глаза не открывались, но слёзы продолжали непрерывно сочиться сквозь ресницы.

«Неужели я в раю? Но почему тогда я слышу голос бабушки?»

Разгневанная бабушка Жуань бесцеремонно отодвинула А-Ли в сторону. Девушка, не смея по-настоящему сопротивляться, лишь испуганно засеменила следом в спальню. Стоило пожилой женщине увидеть, что внучка преспокойно нежится под одеялом, как её негодование вспыхнуло с новой силой. Недолго думая, она замахнулась тростью и пребольно опустила её на мягкое место Жуань Ихань.

— Ой!.. — вскрикнула Ихань от неожиданности и резкой боли.

Она медленно приоткрыла веки. Яркий солнечный свет больно резанул по глазам, заставив её заслонить лицо ладонью. Сквозь щели между пальцами она разглядела побелевшие от седины волосы бабушки и до боли знакомое, искажённое гневом лицо.

— Ишь, прячется она! — запричитала старушка, сердито стуча тростью по полу. — Паршивка мелкая! Времени сколько, а ты всё дрыхнешь после своих гулянок! Спуталась с оравой бездельников, ни одного приличного человека среди них нет!

Бабушка едва ли не скрежетала зубами от досады, глядя на непутёвую внучку. Однако Ихань лишь заворожённо смотрела на неё широко раскрытыми, стеклянными глазами, словно громом поражённая. Стоявшая у двери А-Ли отчаянно заморгала, подавая подруге знаки и решив, что та спросонья лишилась дара речи.

Заметив это безмолвное общение, бабушка Жуань среагировала молниеносно: круто развернулась и пресекла саботаж точным ударом трости по ногам помощницы.

— А ну брысь отсюда!

Чудесно. В своё время она лично наняла А-Ли, надеясь, что та станет надёжной опорой для её внучки, верным товарищем, с которым они вместе повзрослеют. А на деле что? Спелись, мерзавки, и покрывают друг друга!

— Бабушка... Бабушка, это правда ты? — прошептала Ихань. Слёзы крупными каплями покатались по её щекам.

Но пожилую женщину было не так-то просто разжалобить.

— И не думай давить на жалость своими слезами! — отрезала она. — Сегодня я тебе точно ноги переломаю!

И её гнев был вполне оправдан. Послезавтра внучке исполнялось двадцать пять лет — возраст, когда она должна была официально возглавить развлекательную компанию «Ифэн». Но глядя на это недоразумение, бабушка всерьёз опасалась, что семейное дело, создававшееся трудом нескольких поколений, пойдёт прахом в руках непутёвой наследницы.

Но Ихань было уже наплевать на нотации. Она пулей скатилась с кровати и мёртвой хваткой вцепилась в бабушку. От столь яростного и внезапного натиска пожилая женщина покачнулась и едва не повалилась на пол. Охнув, она с трудом удержала равновесие, оперевшись спиной о стену.

Лишь в этот момент бабушка почувствовала неладное. Напрягшись всем телом, она с тревогой перевела взгляд на А-Ли:

— Вы двое... во что вы опять вляпались?

Но А-Ли лишь растерянно моргала, не понимая, что происходит.

Ощувив живое, настоящее тепло родного человека, Ихань разрыдалась в голос. Её тело сотрясалось от рыданий, а пальцы судорожно сжимали ткань бабушкиного домашнего платья. Сначала старушка решила, что внучка натворила каких-то небывалых бед, но плач Ихань был настолько горьким, надрывным и отчаянным, будто она оплакивала покойницу. Из её груди вырывались глухие, удушливые всхлипы.

Бабушка Жуань лучше всех знала характер внучки. Та с детства росла беззаботной егозой, редко принимавшей невзгоды близко к сердцу. Последний раз Ихань плакала так безутешно лишь тогда, когда погибли её родители.

От этой мысли по спине пожилой женщины пробежал ледяной озноб. Смягчившись, она бережно обняла плачущую девушку и принялась ласково гладить её по вздрагивающим

плечам.

— Что случилось, А-Хань? Ну тихо, маленькая моя, не плачь... Расскажи всё бабушке. Что стряслось?

Это нежное объятие, эта осязаемая, настоящая забота лишь сильнее растравили душу. Из Ихань бурным потоком выходила вся скопившаяся боль прошлых лет, пока она окончательно не выбилась из сил.

Лишь спустя долгое время рыдания начали стихать.

Ихань всё ещё крепко держала бабушку за руку, не желая отпускать ни на миг. Пожилая женщина уже теряла терпение.

— Да что с тобой стряслось-то в конце концов? — воскликнула она, косясь на своё насквозь промокшее от слёз плечо. — Пусти меня.

Но Ихань не разжимала пальцев, продолжая пристально, почти безумно всматриваться в родные черты.

Бабушка Жуань аж покраснела от досады:

— Пусти, говорю! Мне переодеться надо!

Только тогда Ихань нехотя ослабила хватку, но её взгляд по-прежнему следовал за каждым движением старушки. Бабушка буквально выбежала из комнаты, твёрдо решив во второй половине дня вызвать для внучки лучшего психотерапевта.

Жуань Ихань ещё долго приходила в себя. Она опустила взгляд и принялась лихорадочно осматривать свои руки — кожа была чистой, без единого следа от капельниц или уколов.

Затем она коснулась подбородка. Там обнаружилась лишь крохотная, слегка саднящая царапина — судя по всему, след от лёгкого удара. Всё ещё не веря своим ощущениям, Ихань обхватила челюсть обеими руками и слегка подвигала ей из стороны в сторону.

А-Ли, наблюдавшая за этим со стороны, округлила глаза от ужаса. Поведение подруги казалось ей не просто странным, а откровенно пугающим.

Убедившись, что сустав цел и невредим, Ихань медленно повернулась к помощнице. Её обычно холодный, пронизательный взгляд подёрнулся влажной пеленой.

А-Ли инстинктивно попятилась назад.

В носу у Ихань предательски закололо, и она тихо позвала:

— А-Ли...

Та застыла на месте. Ей бы проявить участие, но необъяснимый страх сковал тело. Не выдержав гнетущей атмосферы, А-Ли резко развернулась и со всех ног бросилась вон из спальни.

«Неужели... я переродилась?»

Ихань подошла к ростовому зеркалу и вгляделась в собственное отражение. На неё смотрела молодая девушка с миндалевидными тёмными глазами, изящным аккуратным носиком и чувственными алыми губами, очерченными лёгкой, едва заметной линией.

Она постояла так какое-то время, а затем медленно опустила ладонь на шею, провела пальцами ниже, к лопатке, и замерла.

Там не было ничего. Кожа была абсолютно гладкой.

Ихань до боли закусила губу, и в её глазах вновь вспыхнуло пламя неистовой ярости.

«Цинь Хайяо... Цинь Хайяо!»

Они ещё даже не встретились.

В той, прежней жизни на этом самом месте красовался заметный шрам, оставленный зубами Хайяо. В постели, на самом пике страсти, та раз за разом кусала её в плечо, заставляя рану открываться вновь и вновь. Ихань лишь глухо стонала, безропотно терпя эту сладкую пытку. Как-то раз она в шутку спросила её:

— Ты что, собака? Почему всегда в одно и то же место?

А Хайяо лишь смотрела на неё своими бездонными, пугающе глубокими глазами и шептала:

— Хочу оставить на тебе свой след.

Зачем ей это было нужно? Тогда Ихань не знала ответа, но безвольно потакала любым капризам возлюбленной.

Теперь этой метки не существовало. Былая слепая нежность в глазах Ихань окончательно уступила место ледяной, жаждущей возмездия ненависти. Она горько, торжествующе усмехнулась.

«Цинь Хайяо, за кровь платят кровью. Всё, что ты со мной сотворила, я верну тебе сполна. До последнего цента».

Ещё до полудня в особняк прибыл доктор Чу. Держа в руках объёмистый саквояж с медикаментами, он издали с опаской поглядывал на Ихань, что со стороны выглядело довольно комично. Девушка сидела в глубоком кресле, лениво покачивая в бокале тёмно-красное вино. Время от времени она делала крошечный глоток, а её лицо не выражало абсолютно ничего — лишь холодная, пугающая сосредоточенность.

Бабушка Жуань утащила врача в угол просторного холла и зашептала, то и дело оглядываясь:

— Видишь? Ну посмотри на неё! Сама на себя не похожа!

Раньше старушка постоянно ворчала, что от гиперактивности и шумного характера внучки у неё раскалывается голова. Но сейчас... Ихань просто сидела в тишине, не делая абсолютно ничего. Лишь изредка прикладывалась к бокалу и молчала, уставившись в одну точку.

На самом деле Ихань была полностью погружена в свои мысли. В её сознании хаотично всплывали разрозненные осколки воспоминаний былого будущего, которые требовалось немедленно выстроить в единую логическую цепочку. Разумеется, расспрашивать А-Ли или бабушку напрямую было нельзя — они бы точно решили, что наследница окончательно лишилась рассудка.

Помявшись у порога, доктор Чу нерешительно приблизился к креслу:

— Старшая барышня, старая госпожа очень просила меня осмотреть вас.

На самом деле госпожа Жуань требовала привезти ещё и психиатра, но Чу Жань решил, что это очередная причуда любящей бабушки после очередной бурной ссоры.

Ихань лишь равнодушно скользнула по нему взглядом:

— Осматривайте.

Сейчас ей действительно не помешало бы убедиться, что её новое тело функционирует нормально.

В отдельном крыле особняка располагался прекрасно оборудованный медицинский кабинет, оснащённый по последнему слову техники. Ихань послушно легла на кушетку, позволяя доктору проводить любые манипуляции. Даже когда игла шприца вошла в вену и тёмно-красная жидкость побежала по пластиковой трубке, она даже бровью не повела.

Доктор Чу искренне изумился:

— Барышня, а где же традиционные жалобы на невыносимую боль?

Обычно Ихань закатывала целые представления при виде одного только шприца.

Она посмотрела на него холодным, лишённым всяких эмоций взглядом:

— Люди меняются.

Ей не нужно было ничего объяснять. Что для неё теперь лёгкий укол иглы? Она познала истинную агонию предательства и холод могилы. Эта боль была сущим пустяком.

Результаты экспресс-анализов были готовы уже через пару часов. Бабушка Жуань долго и придиричиво изучала распечатанные бланки, недовольно цокая языком:

— Ну надо же! В таком возрасте — и уже куча мелких болячек. И поделом тебе! Кто заставляет тебя ночи напролёт колдобродить? Никакого сладу с тобой нет: алкоголь рекой, сомнительные компании... Вот, полюбуйся — у тебя лёгкая анемия! И целебное снадобье, которое я тебе велела принимать, ты, конечно же, выливала! Решила до смерти меня довести?

Раньше подобные нотации казались Ихань невыносимой пыткой, но сейчас она лишь преданно смотрела на ворчащую старушку, чувствуя, как к глазам вновь подступают слёзы. Если бы это было возможно, она бы вечно слушала её бесконечные жалобы.

— Я буду послушной, бабушка, — тихо, но твёрдо пообещала Ихань.

Старушка осеклась на полуслове. От неожиданности её очки для чтения сползли на самый кончик носа. Она изумлённо уставилась на притихшую внучку.

Пока доктор Чу давал Ихань стандартные рекомендации по режиму дня, пожилая женщина утащила А-Ли в коридор и строго, шёпотом спросила:

— А ну колись, паршивка: во что вы впутались? Вы летали в Макао? Проиграли состояние в казино? На вас висят долги?

А-Ли лишилась дара речи. Ей было до безумия обидно — ведь они ничем подобным не занимались! Но даже круглая дура поняла бы, что с Жуань Ихань творится что-то в высшей степени ненормальное.

Закончив осмотр, доктор Чу уже у дверей мягко добавил:

— Барышня, я понимаю, что грядущие перемены вызывают у вас сильный стресс. Но постарайтесь не накручивать себя. «Ифэн» под надёжным контролем старой госпожи, к тому же она подобрала для вас отличную команду опытных помощников. Не нужно так изводить себя, расслабьтесь.

Ихань молча проводила его нечитаемым взглядом. Она ведь ещё даже не вступила в должность. А значит — пока не встретила Цинь Хайяо.

Доктору Чу стало не по себе от её молчания, и он тихо произнёс:

— Своим поведением вы очень пугаете госпожу Жуань.

Ихань прикрыла глаза, признавая его правоту. Она действительно вела себя слишком неестественно для прежней взбалмошной девчонки. Немного подумав, она вспомнила: на банкете в честь её двадцатипятилетия бабушка должна была официально объявить о передаче ей бразд правления развлекательной компанией «Иян».

Ихань резко распахнула глаза и спросила:

— Доктор Чу, вы ведь будете на праздновании моего дня рождения?

Тот даже растерялся от неожиданного внимания:

— Безусловно, барышня. Для меня это большая честь. Обязательно буду послезавтра.

Когда врач ушёл, Ихань поднялась с кресла. В её груди с новой силой запылал неистовый огонь возмездия.

Именно на этом банкете пять лет назад состоялась её первая встреча с Цинь Хайяо.

Ей нужно держать себя в руках. Сдерживать эмоции.

Цинь Цинь — женщина коварная и опасная, с ней шутки плохи.

Ихань сделала глубокий вдох, заставляя утихнуть внутреннюю бурю, и принялась методично,

деталь за деталью, анализировать текущее положение дел.

Двадцать пять лет — пик её бывшего триумфа. Тогда под прицелом сотен камер она унаследовала руководство над «Ифэн», став самым молодым генеральным директором в индустрии.

Ихань повернула голову. На диване сидела бабушка, делая вид, что увлечена телепередачей, хотя её выдавал бегающий, полный тревоги взгляд.

Бабушка жива. Она здесь.

Она перевела взор в другую сторону. А-Ли с преувеличенным усердием чистила яблоко, хотя руки её заметно подрагивали от волнения.

И А-Ли тоже здесь.

Её семья, её верные люди, её компания — всё это принадлежало ей. Судьба подарила ей бесценный шанс начать сначала.

Ихань решительно поднялась, взяла мобильный телефон и, отойдя в тихий угол комнаты, набрала номер Цинь Цинь.

Трубку сняли почти мгновенно. Из динамика полился мягкий, преисполненный фальшивого тепла и заботы голос:

— А-Хань? Девочка моя, ты уже проснулась? Опять довела бабушку до белого каления? Хочешь, твоя тётушка Цинь приедет и заступится за тебя?

Ихань промолчала, едва не раздавив трубку в ладони от душащей её ненависти.

Не дождавшись ответа, Цинь Цинь заговорила чуть тревожнее:

— Алло? А-Хань, ты меня слышишь? Неужели опять натворила делов?

Ихань медленно выдохнула, силой воли заставляя утихнуть клокочущую ярость. Потерев переносицу, она заговорила прежним — легкомысленным и капризным — тоном:

— Да ну что вы, тётушка Цинь! Просто последние пару дней навалилась какая-то тоска. Вот мы с А-Ли и решили немного развеяться, выпили лишнего и вернулись под утро. А бабушка

устроила из этого целую трагедию, ворчит без умолку.

— Ох, егоза, — по-доброму рассмеялась Цинь Цинь на том конце провода, поливая цветы на своём подоконнике. — Ты уже взрослая девочка, старой госпоже положено за тебя переживать. Но почему у тебя такой голос? Будто ты только что плакала.

Ихань послушно выдавила смешок, придав ему оттенок детской обиды:

— Да пустяки... Тётушка Цинь, я на самом деле звоню, чтобы спросить у вас совета. Хочу узнать ваше мнение по одному деликатному вопросу.

Женщина искренне удивилась:

— Надо же, какая официальность! С каких это пор наша А-Хань стала такой вежливой? Спрашивай, конечно.

Ихань перевела взгляд на затянутое серыми тучами небо за окном и ровным голосом произнесла:

— Тётушка Цинь... Если бы я очень хотела отомстить одному человеку, как бы вы посоветовали мне поступить?

На том конце провода повисла секундная пауза.

— Отомстить? Кому это? — удивлённо переспросила Цинь Цинь.

Она знала Жуань Ихань с пелёнок. Та росла взбалмошной, но исключительно добросердечной и мягкой девушкой — черта характера, которую Цинь Цинь считала огромным и фатальным изъяном для будущей главы крупного бизнеса.

— Тому, кого я когда-то безумно любила, но кто жестоко меня предал, — тихо ответила Ихань.

Услышав это, Цинь Цинь мысленно облегчённо вздохнула и снисходительно хмыкнула:

— Неужели у нашей маленькой А-Хань разбито сердце? Кто-то успел покорить твою душу?

В голосе Ихань смешались наигранное смущение и фальшивая обида:

— Да... Оставили меня у разбитого корыта, представляете?

Поняв, что племянница говорит вполне серьёзно, Цинь Цинь на мгновение задумалась, а затем деловито произнесла:

— Девочка моя, ты у нас и красавица, и наследница огромного состояния. Разве перед тобой кто-то устоит? Всё очень просто. Сделай так, чтобы она влюбилась в тебя без памяти. Стала одержима тобой. И в тот самый миг, когда она будет готова отдать за тебя жизнь, сухо объяви, что никогда её не любила, а всё это было лишь забавой. А потом... сломай ей крылья. Запри в золотой клетке, словно послушную канарейку. Не дари ей своего тепла, но и не позволяй уйти.

Цинь Цинь была вдовой, в одиночку поднявшей мощную корпорацию вроде группы «Наньян». Без звериной хватки и беспощадности выжить в этом бизнесе она бы просто не смогла. Раньше Ихань ужасала её жестокость по отношению к слугам и конкурентам, но теперь эти слова звучали для неё слаще любой музыки.

— А если у неё есть жених? — с замиранием сердца спросила Ихань.

Цинь Цинь тихо рассмеялась, посчитав этот вопрос детской наивностью:

— О, так это же идеальный расклад! Заставь её собственными глазами наблюдать, как её благоверный женится на другой и заводит детей. Пусть захлёбывается собственной беспомощностью и болью.

«Спасибо за урок, тётушка Цинь, — мысленно произнесла Жуань Ихань, вешая трубку. — Я обязательно воспользуюсь вашим советом».

<http://bllate.org/book/20651/2106626>